979

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ОКТЯБРЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ „Русской Старинѣ“ на 1917 годъ 3

II. Вильгельмъ I и Ѳ. Ѳ. Радецкій. Сообщ. А. Вольноходовъ . 5—6

III. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ. 7—16

IV. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ. Сообщ. В. А. Бернацкій . . . . 17—24

Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины. Е. К. Андреевскаго . 25—29

VI. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Реставрація памятниковъ 30

VII. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. . . 31—85

VIII. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бутовскихъ) А. Д. Бутовскаго . . . 86—114

IX. Три записки Н. А. Некрасова. Сообщ. Н. Кафтанниковъ . 115—116

X. Письмо изъ Москвы архіепископа Вологодскаго и Бѣлоозерскаго Симона въ Вологду въ архіер. домъ отъ 17 марта 1674 г. о разныхъ дѣлахъ. Сообщ. И. Суворовъ . . . 117—119

XI. О постройкѣ въ гор. Орлѣ храма во имя Св. Павла. Сообщ. Н. А. Мурзановъ. 120—122

XII. Записки В. Н. Виноградскаго. Сообщ. А. Робушъ . . . . 123—131

XIII. Императорская фамилія въ Крыму. Сообщ. В. Мелеха . . 132—157

XIV. Рапортъ Прозоровскаго — Румянцеву 17 ноября 1777 года. 158—160

Приложеніе: Портретъ В. Н. Виноградскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го Октября 1916 года.

Р 88 Кн 10

За пятьдесятъ лѣтъ [1]).

Воспоминанія артистки М. М. Глѣбовой.

Глава 8.

Необходимо разсказать первый выѣздъ мой въ театръ. Какъ-то вотчимъ былъ въ хорошемъ расположеніи, взялъ ложу, и вотъ онъ, мама и я поѣхали. Я никогда не ощущала такого волненія, которое меня охватывало въ то время. Безотчетная радость охватила меня, и я скрывала ее, скрывала, чтобы вотчимъ не замѣтилъ и не передумалъ взять съ собой. У меня было особенное, свое представленіе о театрѣ. Мнѣ онъ казался великолѣпнымъ, богатымъ, сказочнымъ зданіемъ. Въ этомъ зданіи долженъ былъ быть большой круглый залъ, кругомъ должна была на богатыхъ креслахъ сидѣть публика, а посреди играть актеры. Что играть, какъ играть, я не знала, но все это должно быть прекрасно.

Насталъ часъ одѣванія. На меня надѣли лучшее мое платье, волосы подобрали полукруглой дѣтской гребенкой, сзади болталась коса, въ которую вплели ленточку. Папаша посмотрѣлъ на меня и ухмыльнулся. Я слышала, когда онъ, отходя, пробормоталъ: „ну и прическа, точно телушка вылизала“. Въ другой комнатѣ онъ говорилъ мамѣ: „Припудри Машку, а то она похожа на вяленную треску. Показать стыдно“. Мать не противорѣчила изъ боязни лишить меня удовольствія и слегка припудрила. Папаша

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1911 г.

приказалъ показаться. Я подошла. Онъ критически осмотрѣлъ меня и снова позвалъ мать. Та вошла.

— Подкрась ей губы...

Мать отвѣчала, что подкрасить нечѣмъ.

— Возьми въ кухнѣ буракъ, отрѣжь кусочекъ и подведи ей губы.

Мать исполнила и это.

— Ну вотъ теперь хорошо! одобрилъ вотчимъ.

Мы поѣхали. Слава Богу, на дворѣ было вѣтрено, сыро, и мой гримъ совершенно слѣзъ, а то хороша бы я была. Когда мы подкатили къ театру, я увидѣла вереницу экипажей, подъѣзжавшихъ гуськомъ къ подъѣзду, и полицейскаго, убѣдительно отгонявшаго кучеровъ. Настала наша очередь. Мы слѣзли и пошли въ сѣни, а потомъ въ коридоръ бенуара. Раздѣлись и вошли въ театръ. Мое представленіе о театрѣ разомъ перевернулось кувыркомъ. И фасонъ другой, и богатства не было, а все-таки было хорошо. Передо мной висѣлъ занавѣсъ, таинственный занавѣсъ, за которымъ скрывались чудеса. Ахъ, скорѣй бы, скорѣй! думалось мнѣ. Театръ постепенно наполнялся. Въ оркестрѣ настраивали инструменты. Туда вошелъ какой-то черненькій человѣкъ, съ палочкой въ рукахъ. Это должно быть волшебникъ, рѣшила я. Палочка строго повисла въ воздухѣ, затѣмъ двинулась, и полились чарующіе звуки. О, они мнѣ казались чарующими, вѣдь это я въ первый разъ услыхала оркестръ. Что играли, не помню, но играли что-то хорошее. По окончаніи публика зааплодировала, раздались аплодисменты и крики: „бисъ!“ Черненькій человѣкъ поклонился, взмахнулъ опять палочкою и снова заигралъ, но что-то другое, очень веселое. По окончаніи раздались аплодисменты еще слышнѣй. Черненькій человѣчекъ опять поклонился и опять заигралъ, но вотъ изъ боковой кулисы показалась чья-то рука. Она усиленно замахала, раздался шипящій голосъ: „Довольно, довольно, пора начинать“. Черненькій человѣкъ махнулъ палочкой въ бокъ, и оркестръ смолкъ. Занавѣсъ вздрогнулъ, закачался. Я замерла и уставилась глазами въ нее. Сейчасъ, сейчасъ, подымется, и я увижу... услышу... но что,—это была тайна для меня, но занавѣсъ не поднимался, я уже устала смотрѣть. Неужели не подымется? задавала я себѣ вопросъ. Вѣроятно, публика тоже усумнилась и стала кричать и топать ногами. Слышались крики: „Пора“. „Начинайте“ и пр. Послѣ настойчивыхъ требованій изъ кулисы показалась чья-то го-

лова и раздался шопотъ: „Сыграйте маршъ: г-жа Фабіанская не готова“. Черненькій человѣчекъ пожалъ плечами, взялъ палочку, и оркестръ заигралъ маршъ. Во время игры, крики „пора“ не переставали раздаваться. Но вотъ посреди какого-то колѣна нескончаемаго марша, неожиданно взвился занавѣсъ, и оркестръ разомъ остановился и только какая-то труба доиграла нѣсколько нотъ. Человѣчекъ погрозилъ ей палочкой, и все стихло. Публика зашуршала афишами, откашливалась, принимала удобныя позы, а музыканты повернули свои головы на сцену, а нѣкоторые встали и смотрѣли на нее. При чемъ головы ихъ находились въ уровень съ лампами. Одна лампа чадила, музыкантъ приподнялся и закрутилъ фитиль. Въ это время актеры уже говорили, но пока ничего нельзя было разобрать. Наконецъ настала тишина. Двое мужчинъ укоряли другъ друга и махали руками, сцена изображала Парижъ. Но много лѣтъ спустя, когда мнѣ пришлось уже играть отвѣтственныя роли на этой же сценѣ, я узнала, что это былъ какой-то нѣмецкій городъ. Вдругъ на сцену высыпалъ хоръ и запѣлъ. Это были французскіе крестьяне. Всѣ были одѣты въ коротенькія цвѣтныя юбки, въ цвѣтные чулки, бронзовыя или лаковыя туфельки, въ переднички, обшитые цвѣтными ленточками, косынки, бѣленькіе чепчики, на нѣкоторыхъ были италіанскіе платочки. Крестьянки смотрѣли въ глубину и передавали свои впечатлѣнія другъ другу. Словомъ, французскіе крестьяне совсѣмъ не то, что наши. Мужчины были въ пестрыхъ чулкахъ, коротенькихъ штаникахъ, бѣлыхъ рубахахъ, поясахъ и широкополыхъ шляпахъ. Вдругъ насталъ моментъ волненія среди нихъ. Крестьяне вспомнили, что имъ надо испугаться и заплакать, и разомъ всѣ заплакали и почти всѣ вытирали слезы передниками. Нѣкоторые мужчины и женщины смѣялись. Моментъ волненія прошелъ, и всѣ снова не принимали участія въ игрѣ. Затѣмъ они опять запѣли и въ веселыхъ мѣстахъ взялись за юбочки и стали канканировать. Я рѣшила, что это ихъ народный танецъ, какъ, напримѣръ, у насъ русская. Наконецъ покатилась героиня. Она разомъ овладѣла публикой, и все, что она говорила и дѣлала, было очень, очень хорошо. Мнѣ только было странно, почему она, говоря что-то чувствительное одному изъ мужчинъ, подходила къ рампѣ и говорила все намъ, сидящимъ въ театрѣ, а не своему партнеру. Примадонна заявила, что настала ночь. Послѣ этого съ пола поднялась зеленая ширмочка и закрыла лампы. Кругомъ же

было свѣтло. Героиня должна была идти домой, а кавалеры заявляютъ, что это опасно, что кругомъ царитъ такая тьма, и я вѣрила, что кругомъ темь, несмотря на то, что эту темь изображала зеленая ширмочка. Кончился актъ, раздались крики, вызовы и снова аплодисменты. Далѣе играли еще лучше; особенно понравилась мнѣ актриса, игравшая главную роль. Немудрено, впрочемъ, такъ какъ это была извѣстная, очень хорошая артистка Фабіанская. Во время ея исполненія меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Спазмы давили горло, слезы текли изъ глазъ, и даже вотчимъ раза два убралъ слезы, собравшіяся у него подъ носомъ. Я ѣхала домой въ угарѣ, я запомнила жесты, движенія, слова, и это скопилось у меня въ головѣ и пролетало съ начала до конца и съ конца до начала. На другой день я въ своей комнатѣ стала продѣлывать все, что запомнила отъ Фабіанской, и вѣроятно увлеклась, потому что неожиданно въ комнатѣ появились мать и вотчимъ. Я удивила ихъ сходствомъ голоса съ артисткой, и тутъ вотчимъ рѣшилъ, что у меня есть способность, что изъ меня можетъ выйти хорошая комедіантка. Такъ закончилось мое первое посѣщеніе театра.

Глава 9.

Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. За время, отдѣлившее меня отъ всего ранѣе разсказаннаго, я довольно долго прожила у другого своего дяди, очень милаго человѣка. Онъ также училъ меня танцамъ. Я дѣлала большіе успѣхи, время текло однообразно, и я на этомъ клочкѣ жизни останавливаться не буду. Затѣмъ я снова водворилась у моихъ родителей. Сестра Вѣра за это время выросла, и когда я пріѣхала, радости не было предѣла. Говорить снова о моей жизни въ домѣ вотчима, тоже не буду, чтобы не повторяться.

Разсказъ мой начнется съ момента, когда у насъ сталъ бывать знакомый вотчима, нѣкій Б. Это былъ господинъ лѣтъ 25-ти, ничего изъ себя не представлявшій, ни внѣшностью, ни умомъ, ни положеніемъ. Служилъ въ какой-то частной конторѣ и получалъ небольшое жалованіе. Я стала замѣчать, что онъ какъ-то умиленно поглядывалъ на меня. Сталъ бывать часто и привозилъ конфекты, фрукты и сладкіе пирожки. Все это съ аппетитомъ поѣдалъ вотчимъ, но

бывали дни, что и мы съ сестрой награждались порой конфектой, яблокомъ, раздѣленнымъ пополамъ, и также раздѣленнымъ кусочкомъ пирожнаго. Все привозимое отдавалось господиномъ Б. мнѣ и онъ, прищуривъ свои сѣрые глаза, говорилъ слащаво:

— Это вамъ-съ, кушайте на здоровье.

Я благодарила, а затѣмъ, по уходѣ его, все отбиралось, и мы смотрѣли, какъ папаша ѣлъ очень вкусныя, какъ мнѣ казалось, вещи.

Далѣе господинъ Б. старался побольше разговаривать со мной и говорилъ массу комплиментовъ. Я принимала ихъ совершенно равнодушно, да и въ то время мало понимала и не догадывалась, въ чемъ дѣло. Во время нашихъ разговоровъ папаша уходилъ въ другую комнату и уводилъ съ собой мать. Мнѣ это было очень непріятно, но что я могла сдѣлать. Разговоры были однообразны, да собственно разговоровъ не было; я молчала, а говорилъ гость. Приблизительно говорилось во всѣ посѣщенія Б. слѣдующее:

— Какъ, Маруся, поживаете?

— Хорошо-съ, отвѣчала я.

— А вотъ вамъ гостинчикъ.

— Мерси, отвѣчала я, беря подношеніе, и сейчасъ же клала его на то мѣсто, на которое мнѣ было приказано. Наступала пауза, затѣмъ Б. говорилъ:

— А какая вы сегодня интересная, у васъ такъ горятъ глазки. Марусенька, скажите мнѣ, вамъ нравится кто-нибудь?

— Да, отвѣчала я.

— Кто же, откройте свою тайну...

— Папаша, отвѣчала я. Мои щеки покрывались румянцемъ. Я чувствовала, что лгала, но кто же могъ мнѣ нравиться, я никого не встрѣчала, да и смѣла ли я, чтобы мнѣ понравился кто-нибудь.

— Ахъ вы, шутница, а кромѣ папашеньки никто не завладѣлъ вашимъ сердцемъ?

— Никто...

— Но я бы вамъ могъ понравиться?

Я молчала и не находила отвѣта. Б. приставалъ, и я рѣшила отвѣтить:

— Не знаю.

— Какая вы кокетка... Да вы хитрая...

Я ломала себѣ голову, почему я кокетка и почему я хитрая...

Въ такомъ родѣ шли разговоры. Какъ-то разъ Б. обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Марусенька, я могу обратиться къ папашѣ.

Я совершенно не догадывалась, къ чему идетъ дѣло, но считала долгомъ дать на это согласіе. Б. поцѣловалъ мнѣ руку и вышелъ въ кабинетъ къ отцу. Дверь была открыта, и я между прочимъ услыхала, что Б. говорилъ папашѣ, что я разрѣшила ему обратиться къ нему и что онъ потому проситъ моей руки.

— Ну, что жъ, отвѣчалъ вотчимъ, если эта дура вамъ нравится, то берите ее...

Я сидѣла ни жива, ни мертва. Только сердце билось сильно, сильно, и отъ ужаса у меня сдѣлались судороги въ пальцахъ ногъ и рукъ. Черезъ минуту вошли вотчимъ и Б., и вотчимъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ вступленіемъ.

— Ты, матушка, дала свое согласіе г-ну Б. О томъ, что ты поторопилась, не предупредила меня, я говорить не буду, ибо ты дура, а въ остальномъ я согласенъ. Пусть онъ беретъ тебя въ жены, если ему понравилась, словомъ, я тоже согласенъ...

Сообразивъ уже окончательно, въ чемъ дѣло, я затѣмъ взвыла. Взвыла самымъ настоящимъ образомъ, такъ что Б. даже испугался.

— Ты чего же это, дурища, ревешь? обратился съ вопросомъ папаша.

— Не хочу-у, отвѣчала я...

— Какъ не хочешь. Да вѣдь ты же дала согласіе. Развѣ даннымъ словомъ можно такъ шутить и оскорблять человѣка. Да знаешь ли ты, что за это и Богъ и люди тебя осудятъ, а я выпорю...

Я смолкла и съ полными слезъ глазами смотрѣла на вотчима. Неужели, думалось мнѣ, я сотворила такое ужасное преступленіе.

— Нечего хлопать глазами. Согласна и кончено, да будетъ надъ вами мое благословеніе. Ты должна, остолопъ царя Персидскаго, быть счастлива, что нашелся добрый человѣкъ, а то... словомъ, ломаться нечего, а то разложу и всыплю дюжину такихъ горячихъ, что ты недѣлю будешь почесываться, да еще къ тому же въ чуланъ запру. Тоже ломается. Фря, подумаешь, какая. Иди, давай руку. Ну. Знаешь, ломанья не терплю...

Я встала и пошла, но остановилась и опять заплакала, стараясь подавить рыданья.

— А ну тебя. Стоитъ разговаривать, произнесъ вотчимъ, хватая меня за руку и притягивая ближе къ Б. Тотъ схватилъ мою руку и сталъ цѣловать. Я отлично помню, что онъ замусолилъ ее слюнями. Мнѣ было очень противно.

— Я-съ... будьте покойны... все будетъ хорошо, бормоталъ Б.

Въ это время вошла мать. Когда она узнала, въ чемъ дѣло то только ахнула и растерянно переводила свой взглядъ то на меня, то на Б., то на папашу. Словомъ, помолвка состоялась, и я стала невѣстой. Мнѣ было въ это время пятнадцать лѣтъ. Прошло мѣсяца два, и состоялась наша свадьба. Какъ они умудрились обвѣнчать пятнадцатилѣтнюю, не знаю, но знаю, что свадьба была въ какой-то довольно отдаленной деревенской церкви. Я стала женой. Какова пошла жизнь. Боже мой, Боже мой... я уже вспомнила свою жизнь у вотчима и даже она мнѣ казалась сносной. Я страшно похудала и подурнѣла. Жили мы бѣдно. Мужъ былъ золъ, истязалъ меня, и моя жизнь походила на каторгу. Я переносила все стоически и только жаловалась матери, когда та изрѣдка являлась навѣстить насъ. Наконецъ жизнь такъ потекла, что мнѣ приходилось убѣгать изъ квартиры и прятаться по чердакамъ и чуланамъ. Отъ этого брака у меня родилась дочь. Я очень любила дѣвочку, но тѣмъ не менѣе рѣшилась уйти изъ дому, а ребенка отдать матери. Даже вотчимъ ничего не имѣлъ противъ моего рѣшенія. Словомъ, мнѣ нашли мѣсто въ захолустный театръ, куда я должна была ѣхать черезъ полтора, два мѣсяца. Все содержалось въ тайнѣ. Наконецъ мнѣ дали тридцать рублей денегъ, снабдили маленькимъ сундучкомъ, посадили на пароходъ, и я поѣхала на двадцать пять рублей жалованья, съ обязательствомъ играть въ драмахъ, трагедіяхъ, комедіяхъ и водевиляхъ и участвовать въ балетныхъ дивертисментахъ. И такъ я шестнадцатилѣтняя дама-бѣглянка бросилась въ море житейское. Ѣхала я въ третьемъ классѣ. Пароходишко былъ грязный, маленькій колесный. Весь багажъ мой состоялъ изъ сундучка и кулька съ провизіей. Ѣсть я не ѣла. У меня не было совершенно аппетита. Я сидѣла на сундучкѣ, а въ рукахъ держала кулекъ. Колеса вспѣнивали воду, шумѣли, кругомъ былъ говоръ толпы. Несмотря на многолюдство, я чувствовала себя одинокой и дичкомъ смотрѣла на окружающее. Отъ долгаго сидѣнья у меня затекли ноги, и я

встала, чтобы размять ихъ. Я прошлась по пароходу, и затѣмъ остановилась у борта и долго смотрѣла, неподвижно, уставившись на воду, и мнѣ временами казалось, что эта вода поглотитъ меня и пароходъ и всѣхъ пассажировъ. Набѣжали тучки, пошелъ дождь. Шелъ онъ все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ полилъ, точно опрокинули корыто. Я разомъ смокла и пошла, шлепая по водѣ, что текла по палубѣ, къ своему сундучку.

Когда я пришла, то кулекъ мой съ провизіей, который я положила на сундукѣ, совершенно разъѣхался. Хлѣбъ и все остальное обратилось въ никуда негодную массу. Никто изъ пассажировъ не обращалъ на меня вниманія. Всѣ закутались, раскрыли зонтики и, что называется, замерли. Пароходъ стало покачивать, и онъ глубоко нырялъ носомъ, захлебываясь водой. Словомъ, вокругъ меня былъ какой-то водяной адъ. На мнѣ не было сухой нитки, кромѣ мѣшечка, который висѣлъ у меня на шеѣ съ деньгами. Я его хватила руками, прижала къ груди и тѣмъ спасла мое сокровище. Мнѣ стало очень холодно. Я дрожала, какъ осиновый листъ, зубы щелкали и руки стали красны, какъ у гусыни. Должно быть, видъ мой былъ до безконечности жалокъ, потому что одинъ изъ мужичковъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, снялъ съ себя верхній архалукъ и не спрашивая согласія накрылъ. Я съ необыкновенной благодарностью посмотрѣла на него, и онъ понялъ меня, потому что въ отвѣтъ произнесъ:

— Ладно, ладно, сиди, наше дѣло привычное.

Я послушалась и сидѣла. Мало-по-малу дождь прошелъ, и показалось солнце, которое разомъ стало припекать. Я стала подсыхать и отъ меня валилъ какой-то паръ. Мужичекъ подошелъ, взялъ свой архалукъ, и я продолжала сохнуть. Явился контроль и сталъ провѣрять билеты. Посмотрѣвши мой билетъ, контролеръ объявилъ, что мнѣ надо слѣзать черезъ одну остановку. Не знаю, отъ чего, но я въ началѣ обрадовалась, а затѣмъ какъ-то затихла, мнѣ стало жутко. Скоро я должна вступить на невѣдомую землю и начать службу. Когда я думала о танцахъ, то ничего, я знала, что мнѣ дѣлать, но когда мои мысли останавливались на драматической сторонѣ, то я прямо не знала, что и думать, ибо не знала и приблизительно, что надо будетъ дѣлать. Вдругъ меня выгонятъ за неспособность,—мелькала у меня мысль, и становилось страшно, страшно... Господи, думалось мнѣ, какъ я буду говорить, какъ я буду ходить,

поворачиваться... словомъ, меня началъ охватывать какой-то священный ужасъ.

Развѣ вернуться? задавала я сама себѣ вопросъ, и вотъ тутъ-то у меня являлась рѣшимость и я подбадривала себя. Нѣтъ, лучше въ воду, лучше кинуться въ невѣдомое, чѣмъ снова страдать. Вѣдь я же была въ театрѣ, вѣдь я же копировала актрисъ, и мама хвалила, даже вотчимъ не возражалъ, быть можетъ. Господь меня спасетъ, защититъ и я не вернусь туда, назадъ, нѣтъ, нѣтъ не вернусь...

Миновала первая остановка. На берегу стоялъ народъ, стояли бабы съ хлѣбомъ, съ провизіей. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Я сошла на берегъ, купила хлѣба, яицъ и съ жадностью уничтожила хлѣбъ и четыре яйца. Раздался гудокъ, черезъ полчаса второй, а тамъ третій. Сняли сходни, пароходъ отвалилъ, и мы поплыли дальше.

Время тянулось невозможно. Казалось, пароходъ не шелъ, а ползъ, какъ черепаха. Прошло часа три, и вдали показался городъ. Я встрепенулась и первымъ дѣломъ полѣзла въ карманъ, чтобы прочесть адресъ, куда ѣхать, и, о ужасъ, его не оказалось. Какъ, когда его я потеряла, я не могла себѣ представить. Я снова начинала искать, но все было напрасно. Адресъ пропалъ безслѣдно. Пароходъ подплывалъ, затѣмъ сталъ причаливать, остановился и сдвинули сходни, я, взявъ въ руки сундукъ, вышла на набережную. Поднялась снова суетня, а затѣмъ мало-по-малу все стихло. Пароходъ отошелъ, всѣ разъѣхались, и только я сидѣла на сундучкѣ, не знала, куда кинуться. На пристани, на скамейкѣ дремалъ матросъ, около него стояла клѣтка съ пѣтухомъ и курами, кѣмъ-то данными на сохраненіе. Вотъ все, что оставалось на берегу. Я сидѣла долгонько, на мое счастье подъѣхалъ ломовой. Увидя меня, онъ подошелъ и спросилъ:

— Чего, барышня, сидишь, садись, довезу...

Я разсказала ему, что я пріѣхала служить въ театръ и что вотъ туда-то мнѣ и нужно. Хорошо бы найти гостиницу поближе къ театру.

— Ладно, отвѣчалъ возница, садись, а я возьму сундукъ, да и пукъ заберу. Отвезу спервоначала ихъ, а потомъ тебя...

Онъ пошелъ разбудилъ матроса, показалъ ему квитанцію. Тотъ отдалъ пукъ, и вотъ я по сосѣдству съ пѣтухомъ и съ двумя куриными дамами поѣхали въ гостиницу. Ѣхали мы долго. Наконецъ пѣтуха съ семьей сдали и меня повезли въ гостиницу. Поѣхалъ онъ скоро. Телѣга была простая.

встала, чтобы размять ихъ. Я прошлась по пароходу, и затѣмъ остановилась у борта и долго смотрѣла, неподвижно, уставившись на воду, и мнѣ временами казалось, что эта вода поглотитъ меня и пароходъ и всѣхъ пассажировъ. Набѣжали тучки, пошелъ дождь. Шелъ онъ все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ полилъ, точно опрокинули корыто. Я разомъ смокла и пошла, шлепая по водѣ, что текла по палубѣ, къ своему сундучку.

Когда я пришла, то кулекъ мой съ провизіей, который я положила на сундукѣ, совершенно разъѣхался. Хлѣбъ и все остальное обратилось въ никуда негодную массу. Никто изъ пассажировъ не обращалъ на меня вниманія. Всѣ закутались, раскрыли зонтики и, что называется, замерли. Пароходъ стало покачивать, и онъ глубоко нырялъ носомъ, захлебываясь водой. Словомъ, вокругъ меня былъ какой-то водяной адъ. На мнѣ не было сухой нитки, кромѣ мѣшечка, который висѣлъ у меня на шеѣ съ деньгами. Я его хватила руками, прижала къ груди и тѣмъ спасла мое сокровище. Мнѣ стало очень холодно. Я дрожала, какъ осиновый листъ, зубы щелкали и руки стали красны, какъ у гусыни. Должно быть, видъ мой былъ до безконечности жалокъ, потому что одинъ изъ мужичковъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, снялъ съ себя верхній архалукъ и не спрашивая согласія накрылъ. Я съ необыкновенной благодарностью посмотрѣла на него, и онъ понялъ меня, потому что въ отвѣтъ произнесъ:

— Ладно, ладно, сиди, наше дѣло привычное.

Я послушалась и сидѣла. Мало-по-малу дождь прошелъ, и показалось солнце, которое разомъ стало припекать. Я стала подсыхать и отъ меня валилъ какой-то паръ. Мужичекъ подошелъ, взялъ свой архалукъ, и я продолжала сохнуть. Явился контроль и сталъ провѣрять билеты. Посмотрѣвши мой билетъ, контролеръ объявилъ, что мнѣ надо слѣзать черезъ одну остановку. Не знаю, отъ чего, но я въ началѣ обрадовалась, а затѣмъ какъ-то затихла, мнѣ стало жутко. Скоро я должна вступить на невѣдомую землю и начать службу. Когда я думала о танцахъ, то ничего, я знала, что мнѣ дѣлать, но когда мои мысли останавливались на драматической сторонѣ, то я прямо не знала, что и думать, ибо не знала и приблизительно, что надо будетъ дѣлать. Вдругъ меня выгонятъ за неспособность.—мелькала у меня мысль, и становилось страшно, страшно... Господи, думалось мнѣ, какъ я буду говорить, какъ я буду ходить,

поворачиваться... словомъ, меня началъ охватывать какой-то священный ужасъ.

Развѣ вернуться? задавала я сама себѣ вопросъ, и вотъ тутъ-то у меня являлась рѣшимость и я подбадривала себя. Нѣтъ, лучше въ воду, лучше кинуться въ невѣдомое, чѣмъ снова страдать. Вѣдь я же была въ театрѣ, вѣдь я же копировала актрисъ, и мама хвалила, даже вотчимъ не возражалъ, быть можетъ. Господь меня спасетъ, защититъ и я не вернусь туда, назадъ, нѣтъ, нѣтъ не вернусь...

Миновала первая остановка. На берегу стоялъ народъ, стояли бабы съ хлѣбомъ, съ провизіей. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Я сошла на берегъ, купила хлѣба, яицъ и съ жадностью уничтожила хлѣбъ и четыре яйца. Раздался гудокъ, черезъ полчаса второй, а тамъ третій. Сняли сходни, пароходъ отвалилъ, и мы поплыли дальше.

Время тянулось невозможно. Казалось, пароходъ не шелъ, а ползъ, какъ черепаха. Прошло часа три, и вдали показался городъ. Я встрепенулась и первымъ дѣломъ полѣзла въ карманъ, чтобы прочесть адресъ, куда ѣхать, и, о ужасъ, его не оказалось. Какъ, когда его я потеряла, я не могла себѣ представить. Я снова начинала искать, но все было напрасно. Адресъ пропалъ безслѣдно. Пароходъ подплывалъ, затѣмъ сталъ причаливать, остановился и сдвинули сходни, я, взявъ въ руки сундукъ, вышла на набережную. Поднялась снова суетня, а затѣмъ мало-по-малу все стихло. Пароходъ отошелъ, всѣ разъѣхались, и только я сидѣла на сундучкѣ, не знала, куда кинуться. На пристани, на скамейкѣ дремалъ матросъ, около него стояла клѣтка съ пѣтухомъ и курами, кѣмъ-то данными на сохраненіе. Вотъ все, что оставалось на берегу. Я сидѣла долгонько, на мое счастье подъѣхалъ ломовой. Увидя меня, онъ подошелъ и спросилъ:

— Чего, барышня, сидишь, садись, довезу...

Я разсказала ему, что я пріѣхала служить въ театръ и что вотъ туда-то мнѣ и нужно. Хорошо бы найти гостиницу поближе къ театру.

— Ладно, отвѣчалъ возница, садись, а я возьму сундукъ, да и пукъ заберу. Отвезу спервоначала ихъ, а потомъ тебя...

Онъ пошелъ разбудилъ матроса, показалъ ему квитанцію. Тотъ отдалъ пукъ, и вотъ я по сосѣдству съ пѣтухомъ и съ двумя куриными дамами поѣхали въ гостиницу. Ѣхали мы долго. Наконецъ пѣтуха съ семьей сдали и меня повезли въ гостиницу. Поѣхалъ онъ скоро. Телѣга была простая.

Меня и мой сундукъ подкидывало, подбрасывало, и я положительно опасалась за свои мозги. Какъ они не соскочили съ мѣста, не знаю...

Но вотъ показались улицы, на нихъ гуси, куры, свиньи, дѣти, далѣе пошли строенія почище, мостовыя получше, и я вздохнула облегченно, хотя въ головѣ стучало и въ глазахъ рябило.

Приблизительно черезъ часъ, мы пріѣхали.

— Спрыгивай, барышня, пріѣхали—заявилъ ломовой. Я соскочила и прочла вывѣску: Еврейская гостиница. Домъ былъ одноэтажный, грязный, въ четыре окна. Въ окнахъ виднѣлись грязныя занавѣски, а на подоконникахъ герань и фикусъ. Извозчикъ дернулъ за ручку колокольчика. Раздался разбитый, кострюльнаго тона звонъ. Никто не выходилъ. Онъ снова позвонилъ. Въ отвѣтъ залаяла собака. Ломовой дернулъ въ третій разъ, и только тогда послышались шаги....

Сообщилъ **П. Скуратовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).